Ю.И. БЫКОВА
Кандидат искусствоведения, научный сотрудник Музеев Московского Кремля
e-mail: jib78@mail.ru

Y.I. BYKOVA
Candidate of Art History, Research Fellow at the Moscow Kremlin Museums
e-mail: jib78@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2022_1_2_367_379

БРИЛЛИАНТОВЫЕ КОЛОСЬЯ ПШЕНИЦЫ КАК ТИП ЮВЕЛИРНОГО УКРАШЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

DIAMOND EARS OF WHEAT AS A TYPE OF JEWELRY IN RUSSIA AT THE END OF THE 18th — THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

В статье рассматривается определенный тип женского ювелирного украшения, получивший распространение в России в конце XVIII — первой трети XIX в., — пшеничный колос. Благодаря архивным документам, удалось установить, что он появился при российском дворе значительно раньше, чем считалось до этого в литературе. В статье прослеживается эволюция его использования, реконструируются его размеры, материалы, из которых он изготовлялся; в научный оборот вводятся имена ювелиров, создававших такие колосья по царскому заказу в этот период.

The article considers a certain type of women's jewelry, which became widespread in Russia at the end of the XVIII — first third of the XIX century, — the wheat ear («épis de blés»). It became possible to establish this type of women's jewelry appeared at the Russian court much earlier than previously thought in the literature thanks to archival documents. The article traces the evolution of its use, reconstructs its dimensions, the materials from which it was made.

The names of jewelers who create such jewelry by tsar's order at the during this period are introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: ювелиры, золотых дел мастер, русский двор, российская императрица, французская королева, пшеничный колос, ювелирное украшение, диадема, ампир, Якоб Дюваль.
Keywords: jewelers, goldsmith, Russian court, Russian empress, French queen, wheat ear, jewelry, tiara, empire, Jacob Duval.

Проблемы, связанные с типологией ювелирных украшений в России, периодически привлекают отечественных исследователей [1]. Однако, несмотря на обращение к этой теме ряда специалистов, многие виды украшений XVII–XIX вв. остаются еще не изученными. Данная статья посвящена необыкновенно интересному и по-своему уникальному типу ювелирного украшения, распространившегося в России в конце XVIII — первой трети XIX в., — пшеничному колосу.

Во второй половине XVIII в. произошли изменения в ювелирном искусстве (применительно к женским драгоценностям), связанные, в первую очередь, с увеличением как самих типов украшений, так и используемых в них различных мотивов. Особенно это проявилось на рубеже XVIII–XIX вв. Так, со строгим геометрическим орнаментом, воинскими арматурами и стрелами Зевса Громовержца, соседствовали романтичные незабудки и нежные розы.

Среди различных типов женских украшений, изготовленных из драгоценных металлов и камней (браслеты, серьги, колье, диадемы и т. д.), появились и бриллиантовые «колосья пшеницы» («épis de blés»). О точном их назначении говорить сложно. По-видимому, вначале (конец XVIII в.) их использовали в качестве брошей, позже (начало XIX в.) ими стали украшать диадемы и лишь затем (1820–1830-е гг.) их начали вставлять в прически.

Некоторые исследователи пишут, что бриллиантовые «колосья» характерны лишь для первой трети XIX в. [2], однако обращение к архивным документам, относящимся к закупкам драгоценностей для Екатерины II, позволяет сделать вывод, что «колосья» среди женских украшений появились уже в 1780-х гг.

Под влиянием философов французского просвещения и, в частности, Ж.-Ж. Руссо, в это время в моду вошла тема «естественного состо-

яния» человека и его близости с природой. Природа как разумно организованный порядок противопоставляется неразумному человеческому обществу. Отсюда и появление «естественных» «пейзажных» садов, пришедших на смену регулярным паркам, мода на которые особенно распространилась во второй половине XVIII в.

Тогда же возникает и увлечение некультивированными растениями. В моду входят полевые цветы: маки, васильки, незабудки и другие (хотя все эти цветы имели в это время и символическое значение). Злаковые культуры представлялись, в первую очередь, как растения, дающие пропитание живой природе — птицам, зверям и людям. Так, главная героиня книги Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» приказала рядом со своим садом на двух полях каждый год сеять «пшеницу, просо, подсолнечник, коноплю и овес — вообще всякие растения, зерна коих птицы любят клевать» [3].

Вместе с тем во второй половине XVIII столетия в европейском искусстве становятся популярными мифологические сюжеты, связанные с богиней плодородия Церерой, в атрибут которой всегда входят колосья пшеницы как одни из символов плодородия. В связи с этим можно вспомнить созданное под покровительством французской королевы Марии Антуанетты полотно «Мир, возвращающий изобилие» из собрания Лувра, написанное М.Э.Л. Виже-Лебрен в 1780 г. и показанное ею на Парижском салоне 1783 г.

Именно благодаря королеве в начале 1780-х гг. в моду вошел женский костюм в деревенском стиле из белого струящегося материала, со шляпками, украшенными полевыми цветами и различными колосьями (пшеница, рожь или овес). Подобные соломенные шляпки с колосьями изображены, например, на двух портретах, исполненных М.Э.Л. Виже-Лебрен в 1782 г., — принцессы Елизаветы Французской и Иоланды Мартин Габриэль де Поластрон, герцогини де Полиньяк (Версальский дворец) [4].

Постепенно тема колосьев начинает проникать и в ювелирные изделия. В основном, это именно колосья пшеницы («épis de blés» — как уточняется во многих счетах этого времени). Чаще всего они изготавливались в золоте с бриллиантами, однако, судя по документам, были и серебряные колосья.

Первые упоминания об этом типе украшений были найдены среди архивных документов, связанных с закупкой драгоценностей в комнату императрицы Екатерины II. (В комнату поступали вещи, которые оплачивались из личных средств монарха. При Екатерине II эти предметы, в

основном, хранились в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца. Оттуда царица их брала для пожалования придворным.)

Рис. 1. Диадема. Санкт-Петербург, 1808 г. (?). Мастера Якоб Дюваль, Жан Франсуа Лубье (?). Фотография из альбома «Алмазный фонд СССР» 1925 г.

Из документов очевидно, что 13 ноября 1787 г. у придворного ювелира Леопольда Пфистерера было взято в комнату императрицы «два колоса бриллиантовых» стоимостью 1900 руб., и в тот же год они были “употреблены от Комнаты”» (то есть подарены кому-то и «списаны») [5]. В следующем году у ювелира Жан Жака Дюка были приобретены «два колоса бриллиантовых» за 2600 рублей и «употреблены» в феврале 1789 г. [6]. А 30 июня 1789 г. от Луи Давида Дюваля также были получены «два колоса бриллиантовых»: один стоимостью 850 рублей, другой — 800 рублей [7].

В дальнейшем количество «пар» колосьев, приобретенных царицей, увеличивается. Так, в феврале 1793 г. Иваром Вельфадом Бухом были созданы шесть бриллиантовых колосьев пшеницы из камней, полученных из комнаты императрицы. За работу ювелир взял по 150 рублей за каждый колос [8]. В 1799 г. Якоб Дюваль, получив из Кабинета 52 бриллианта и добавив свои бриллианты и розы (алмазы, ограненные в виде «розы»), снова изготовил «шесть колосов». За них ему было заплачено 4600 рублей, включая 750 рублей за работу, что, кстати, было меньше, чем получил И. В. Бух за такое же количество колосьев [9].

Стоит отметить, что этот счет располагался среди других счетов на драгоценности, связанных с заказом для двух великих княжон — Александры Павловны и Елены Павловны, которые в 1799 г. вышли замуж. Таким образом, можно предположить, что эти бриллиантовые колосья предназначались в приданое одной из княжон.

В 1770–1790-е гг. одним из основных видов царских подарков для придворных дам были бриллиантовые букеты. Кроме того, в дар преподносили перстни, серьги, «астры» и «сердечки». Мужчинам обычно дарили табакерки, эполеты, наконечники для тростей и часы. Однако встречались и колосья.

Со счетом 1808 г. от Дюваля за другие шесть бриллиантовых колосьев Л.К. Кузнецова связывает создание знаменитой диадемы Марии Федоровны «mon diadème en épis» («моя диадема из колосьев»), которая после революции 1917 г. находилась в Алмазном фонде, а в 1927 г. была продана на лондонском аукционе «Кристис» (Christie's) (рис. 1). Именно из-за этого счета Л.К. Кузнецова так датирует эту диадему, хотя, как сейчас видно, подобных счетов было много в разное время, и такая атрибуция не является в полной мере бесспорной. К тому же она считает авторами этого произведения Дюваля (Якоба или Франсуа, в разных публикациях Кузнецовой значатся имена разных ювелиров) [10] совместно с Жаном Франсуа Лубье на том основании, что «чуть позже Франсуа Дюваль получил из Императорского банка сто пять тысяч рублей, из коих шестьдесят две он отдал мастеру Лубье» [11] (однако за что они получили деньги из архивного документа, не указано).

Диадему украшал расположенный по центру 37-каратный лейкосапфир, прозрачный камень, с легким винно-желтым оттенком. Пшеничные колосья из крупных бриллиантов (по три с каждой стороны) перемежались с серебряными стебельками льна с алмазными листочками и бутонами цветов, которые имитировали крупные бриллианты и грушевидные бриолеты. По мотивам этой диадемы в 1980 г. была сделана реплика под названием «Русское поле», экспонирующаяся сейчас на выставке «Алмазный фонд» Гохрана РФ [12].

В другом архивном документе, «книге бриллиантовым вещам государыни Елизаветы Алексеевны» 1810 г., также значится «Диодем; брилиантовой с восми колосьями — 1, а калосьев восемь осталось». Напротив написано уточнение, что 10 марта 1814 г. «оной Диодем без колосьев взят в переделку болшаго Гребня в Брухале (Брухзаль, Германия. — Ю.Б.)» [13]. (Летом 1814 г. императрица Елизавета Алексеевна, навещавшая своих родных в Германии, встретилась во дворце Брухзаль со своим супругом Александром I, приехавшим из Парижа.) Из этого следует, что в начале XIX в. диадемы с пшеничными колосьями находились, как минимум, у двух российских императриц.

До наших дней дошло несколько западноевропейских диадем (тиар) с пшеничными колосьями. Существующая ныне разборная «свадебная» диадема нидерландского королевского дома, состоящая из таких колосьев, связана с приданым дочери Павла I великой княжны Екатерины Павловны. Изначально это был набор из восьми бриллиантовых серебря-

ных брошей. В начале XX в. королева Нидерландов Вильгельмина носила эти колосья прикрепленными к головному убору. Лишь после 1950-х гг. их установили на серебряную основу, сделав таким образом тиару (которая может содержать по необходимости четыре, шесть или все восемь брошей).

Считается, что русское происхождение имеет и свадебная тиара герцогов Гессен-Кассельских благодаря Фридриху Вильгельму, который сначала женился на дочери императора Николая I Александре (Адини), а после ее смерти — на внучке великой княгини Марии Павловны Анне Прусской, поэтому можно сказать, что диадема с колосьями могла попасть в семью через обоих супругов. В XX–XXI вв. эта тиара неоднократно украшала голову невест, причастных к фамилии герцогов Гессен-Кассельских (рис. 2).

Рис. 2. Диадема (тиара) «Колосья пшеницы» — свадебная тиара герцогов Гессен-Кассельских. Первая четверть XIX в. Серебро; бриллианты

Рис. 3. Диадема (тиара). Франция, около 1811 г. Мастер Франсуа Рено Нито. Золото, серебро, бриллианты. Аукцион Christie's, Женева, 9 ноября 2021 г.

Рис. 4. Диадема (тиара). Франция, около 1811 г. Фрагмент

К французской короне имеет отношение тиара с восемнадцатью бриллиантовыми колосьями, изготовленная около 1811 г. знаменитым придворным ювелиром Наполеона I Франсуа Реньо Нито (продолжившим дело своего отца Мари-Этьена Нито) [14]. Современные эксперты считают, что эта тиара принадлежала сестре Наполеона I Полине Бонапарт. Одним из аргументов этого является, по их мнению, изображение Полины Бонапарт на картине Ж.Л. Давида «Коронование императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской

Богоматери 2 декабря 1804 года» (1805–1807, Лувр), где ее голову украшает диадема, которую можно принять за тиару с колосьями. Это, конечно же, не бесспорное утверждение, поскольку в диадемах сестер императора просматриваются характерные для эпохи ампира лавровые и дубовые ветви. Для данного исследования важнее, что художник изобразил голову одной из фрейлейн императрицы Жозефины, державших на полотне ее шлейф, бриллиантовыми колосьями, поодиночно украшавшими прическу (помимо диадемы). Известно, что в действительности на коронации шлейф супруги Наполеона держали его сестры. И хотя Давид несколько изменил некоторые элементы церемонии, происходящей в реальности, например, введя фрейлейн, все же важно его скрупулезное отношение к деталям женского облачения. Именно поэтому он запечатлел на этой картине характерное для того времени ношение драгоценных пшеничных колосьев.

Совсем недавно, в 2021 г., эта ампирная тиара была выставлена на аукционе Christie's (рис. 3). Ее подробная съемка, выложенная на официальном сайте, позволяет в деталях увидеть не только бриллиантовые колосья, но и основу диадемы, куда они при необходимости вставляются, — обруч, обвитый тканью [15] (рис. 4). Создавший тиару ювелир Франсуа Реньо Нито был родоначальником знаменитой французской ювелирной фирмы Chaumet. В начале XX в. мастера этой фирмы, продолжая традицию, также создали несколько диадем с бриллиантовыми колосьями [16].

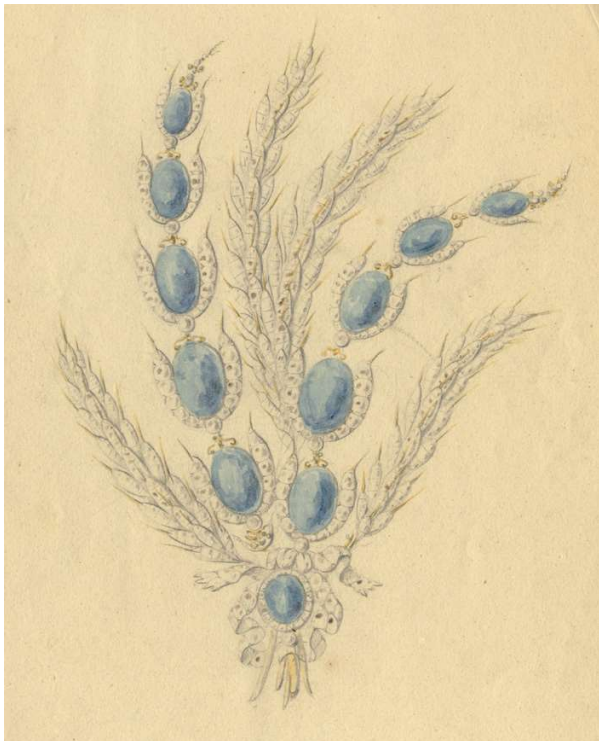
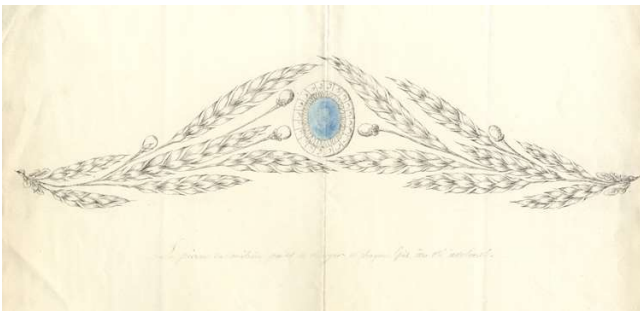

Рис. 5. Неизвестный автор. Эскиз ювелирного украшения «Букет». 1820-е гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 23,5 × 18,0 см. Государственный исторический музей. Инв. И II 8775. Публикуется впервые

В Государственном историческом музее хранится замечательная коллекция эскизов драгоценных украшений первой четверти XIX в., основная часть которых предназначалась для августейших заказчиков [17]. Среди них несколько листов с эскизами буду-

щих ювелирных изделий, на которых использован мотив колоса и который символизирует могущество, красоту и плодородие русской земли. На одном рисунке изображена брошь в виде букета, перевязанного бантом (рис. 5). Букет состоит из четырех золотых бриллиантовых пшеничных колосьев и двух веток, где цветы или плоды имитируют пять камней сине-голубого цвета на каждой ветке (это могли быть и сапфиры, и опалы, и бирюза). На двух других листах представлены эскизы диадем. Одна диадема должна была состоять из шести колосьев и нескольких веток с ягодами (эскиз черно-белый), а другая — только из колосьев, направленных к центру, где помещен крупный синий камень (по-видимому, сапфир) в окружении двух рядов бриллиантов (рис. 6). Внизу эскиза надпись на французском языке о том, что, по желанию заказчика, камень в центре может быть изменен. На четвертом рисунке из этого музея — изображение бриллиантового колоса в натуральную величину, с комментарием стоимости драгоценности от 2000 до 2500 рублей (рис. 7).

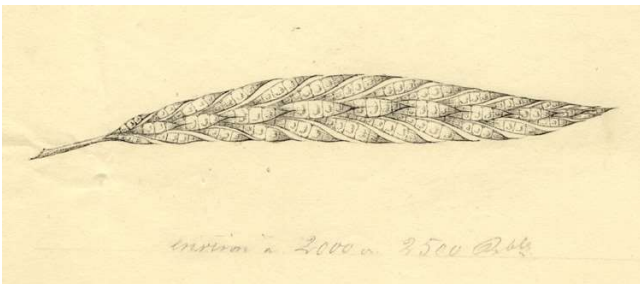

Рис. 6. Неизвестный автор. Эскиз диадемы с «бриллиантовыми колосьями». 1820-е гг. Бумага, тушь, перо, графитный карандаш, акварель. 28,5 × 44,0 см. На бумаге филигрань: J. Whatman // Turkey Mill // 1824. Государственный исторический музей. Инв. И II 8982. Публикуется впервые

Рис. 7. Неизвестный автор. Эскиз ювелирного украшения «Бриллиантовый колос». 1820-е гг. Бумага, тушь, перо, графитный карандаш. 9,5 × 19,0 см. Государственный исторический музей. Инв. И II 9029. Публикуется впервые

В результате этого можно сказать, что мотив колосьев продолжает быть крайне популярным в 1800–1820-х гг. Также известно, что 16 января 1826 г. Николай I повелел выплатить придворному ювелиру Кристофу Андреасу (Андрею Григорьевичу) Рёмплеру 12 070 рублей за «три бриллиантовых колоса» [18].

Однако подобные украшения носили, конечно, не только члены царской семьи. Мода на ювелирные колосья проникает и в другие слои общества.

В 1819 г. во французском модном журнале писали, что бриллианты используются в различных типах украшений, среди них — натуральные цветочные гирлянды и, «наконец, это колосья» [19]. В 1822 г. они же отмечали: «Сегодня мы замечаем, что прическу украшают три вида диадемы: первая, лежащая на лбу, вся в алмазах, вторая состоит из цветов и третья — из серебряных колосьев: последняя крепится на алмазном гребне» [20]. Таким образом, становится ясно, что существовали колосья и без драгоценных камней.

В 1908 г. в своей статье, посвященной ювелирным изделиям эпохи императора Александра I, А.Е. Фёлькерзам пишет, что мотив колосьев характерен для 1820-х гг., и приводит в пример 18 бриллиантовых колосьев, находящихся в начале XX в. в собрании С.П. Дурново [21] (рис. 8). Примечательно, что колосья представлены «в россыпь», а не объединены в единое украшение. Одно из них автор публикует отдельно (в натуральную величину), именно это позволяет определить, что колос был длиною 13 см и шириною 3 см (рис. 9). Привлекает интерес тот факт, что размер колоса на эскизе из Исторического музея также близок по размеру: длиною 15 см и шириною 2 см. Хорошо известно, что в XVIII–XIX вв. эскизы драгоценностей чаще всего создавались в масштабе 1:1 для более удобного восприятия заказчиком.

Рис. 8. Ожерелье, цепь, три брошки, две пары серег и мелкие украшения из бриллиантов и изумрудов. (Собственность С.П. Дурново). Из журнала «Старые годы». Июль-сентябрь. 1908 г.
Рис. 9. Колос натуральной величины из диадемы (собственность С.П. Дурново). Из журнала «Старые годы». Июль-сентябрь. 1908 г.

Мода на колосья усиливается в 1820–1830-е гг., однако теперь колосья украшают, в основном, женские прически в качестве самостоятельных «шпилек». Сохранилось несколько портретов дам высшего света Западной Европы, чьи прически в то время были украшены такими колосьями. Это, например, портрет Дезидерии Клари кисти Ф. Уэстин (1830,

Национальная портретная галерея Швеции) или портрет Марии Каролины Фердинанд Луизы де Бурбон, герцогини Берри, — литография 1820–1830-е гг., выполненная мастером Пуантель дю Портелем (рис. 10). На них хорошо видно, что в волосы вставлялось сразу несколько колосьев, при этом они были не единственными украшениями прически; помимо них, на моделях — огромные страусиные перья.

Рис. 10. Ф. Уэстин. Портрет Дезидерии Клэри. 1830. Холст, масло. Национальная портретная галерея Швеции

Таким образом, исследование показало, что уже в 1780-х гг. среди ювелирных женских украшений при российском дворе появился новый тип — бриллиантовые колосья пшеницы, который стал популярным на долгое время. На протяжении почти пятидесяти лет изменялась форма использования драгоценных колосьев: сначала в виде брошей, затем в диадемах и позже — как самостоятельные шпильки в прическе.

Примечания:

1. *Фёлькерзам А.Е.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. — 1908. — Июль-сентябрь. — С. 529–546; Ювелирные изделия: Иллюстрированный типологический словарь / авторы-составители: Р.А. Ванюшова, Б.Г. Ванюшов. — СПб.: Политехника, 2000; *Забозлаева Т.Б.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: История. Терминология. Предмет. мир: Словарь. — СПб.: Искусство-СПБ, 2003; *Карсакова Т.Н.* Типология и стилистика украшений в России XVIII века (от ювелирного костюма к ювелирному предмету). Автореферат диссертации кандидата искусств. — М., 2004; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый… — М.: Центрполиграф, 2009; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — М.: Центрполиграф, 2012; *Жабрева А.Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–VII веков. — СПб., 2016; *Жабрева А.Э.* Терминология, связанная с ювелирными украшениями русской знати, в письменных документах XVI–XVII веков // Ювелирное искусство и материальная культура. Сборник статей. Выпуск 5. — СПб., 2019. — С. 121–129; *Быкова Ю.И.* Работа золотых и алмазных дел мастеров по царскому заказу в первой четверти XVIII века. Проблемы типологии и терминологии ювелирных украшений // Петровское время в ли-

цах — 2016. Труды Государственного Эрмитажа. Том 83. — СПб., 2016. — С. 73–86; *Быкова Ю.И.* Ювелирные украшения в русском портрете первой половины XVIII в. Проблемы атрибуции и терминологии // Проблемы изучения русского портрета XVIII–XIX веков. Материалы научно-практической конференции 14–15 мая 2019 года // Труды ГИМ / составитель Л.Ю. Руднева. Выпуск 217. — М., 2022. — С. 24–44; *Быкова Ю.И.* Вопросы типологии и терминологии ювелирных украшений первой половины XVIII века // *Быкова Ю.И., Тюхменева Е.А.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. — М., 2022. — С. 278–293.

2. См.: *Vever H.* La bijouterie française au XIXe siècle (1800–1900). Empire — Restauration — Louis-Philippe. — Paris, 1906; *Фёлькерзам А.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. — 1908. — Июль-сентябрь. — С. 529–546; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый… — М.: Центрполиграф, 2009; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — М.: Центрполиграф, 2012; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. — М.: Центрполиграф, 2017.

3. *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. — М., 1968. — С. 435–453.

4. Иоланда Мартин Габриэль де Поластрон, в замужестве герцогиня де Полиньяк, была близкой подругой французской королевы Марии Антуанетты. Считается, что это с ее подачи королева построила у себя в Трианоне маленькую деревню («Hameau de la Reine»), в которой посетители «играли» в сельскую жизнь.

5. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61789. Л. 137 об.

6. Там же. Д. 61802. Л. 59 об.

7. Там же. Л. 74.

8. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4027. Л. 91–93.

9. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61943. Л. 6 об.

10. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — М.: Центрполиграф, 2012. — С. 165; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. — М.: Центрполиграф, 2017. — С. 81.

11. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — М.: Центрполиграф, 2012. — С. 165.

12. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — М.: Центрполиграф, 2012. — С. 165; *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. — М.: Центрполиграф, 2017. — С. 81.

13. РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 1 об.

14. Тиара была выставлена на продажу 9 ноября 2021 г. на аукционе Кристи. — URL: https://www.christies.com/lot/lot-6339131?ldp_breadcrumb=back&intObjectID=6339131&from=salessummary&lid=1 (дата обращения: 14.11.22).

15. URL:https://www.christies.com/lot/lot-6339131?ldp_breadcrumb=back&intObjectID=6339131&from=salessummary&lid=1 (дата обращения: 14.11.22).

16. Две тиары 1910 г. «Пшеничные колосья» и «Сердцеедка» экспонировались на выставке дома Шоме в Монако в 2019 г. — URL:https://www.thecourtjeweller.com/2019/11/chaumet-in-majesty-tiaras-and-more.html (дата обращения: 14.11.22).

17. Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Исторического музея Евгению Александровичу Лукьянову за возможность ознакомиться с данной коллекцией.

18. РГИА. Ф. 519. Оп. 9. Д. 15656. Л. 1–3; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3943. Л. 38–38 об.; Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. — М.: Центрполиграф, 2017. — С. 81.

19. *Vever H.* La bijouterie française au XIXe siècle (1800–1900). Empire — Restauration — Louis-Philippe. — Paris, 1906. — P. 136.

20. Там же.

21. *Фёлькерзам А.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. — 1908. — Июль-сентябрь. — С. 529–546.

Список литературы:

1. *Быкова Ю.И.* Вопросы типологии и терминологии ювелирных украшений первой половины XVIII века // *Быкова Ю.И., Тюхменева Е.А.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. — Москва: БуксМАрт, 2022. — С. 278–293.

2. *Быкова Ю.И.* Работа золотых и алмазных дел мастеров по царскому заказу в первой четверти XVIII века. Проблемы типологии и терминологии ювелирных украшений // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 83: Петровское время в лицах — 2016: К 35-летию отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2016): материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 73–86.

3. *Быкова Ю.И.* Ювелирные украшения в русском портрете первой половины XVIII в. Проблемы атрибуции и терминологии // Проблемы изучения русского портрета XVIII–XIX веков. Материалы научно-практической конференции

14–15 мая 2019 года // Труды ГИМ / составитель Л.Ю. Руднева. Выпуск 217. — Москва, 2022. — С. 24–44.

4. *Жабрева А.Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков / Библиотека Российской академии наук; ответственный редактор Н.А. Сидоренко. — Санкт-Петербург: БАН, Петербургское Востоковедение, 2016. — 479 с.

5. *Жабрева А.Э.* Терминология, связанная с ювелирными украшениями русской знати, в письменных документах XVI–XVII веков // Ювелирное искусство и материальная культура: сборник статей / Государственный Эрмитаж [составители: В.В. Киджи и др.]. Выпуск 5. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. — С. 121–129.

6. *Забозлаева Т.Б.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: История. Терминология. Предмет. мир: Словарь. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003. — 463 с.

7. *Карсакова Т.Н.* Типология и стилистика украшений в России XVIII века (от ювелирного костюма к ювелирному предмету). Автореферат диссертации кандидата искусств. — Москва, 2004.

8. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX — начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России. О шедеврах, их создателях, владельцах и непростых судьбах в увлекательном изложении непревзойденного знатока ювелирного искусства. — Москва: Центрполиграф, 2017. — 591 с.

9. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало. — Москва: Центрполиграф, 2012. — 318 с.

10. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый… — Москва: Центрполиграф, 2009. — 542 с.

11. *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Серия: Библиотека всемирной литературы. — Москва: Художественная литература, 1968. — 776 с.

12. *Фёлькерзам А.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. — 1908. — Июль-сентябрь. — С. 529–546.

13. Ювелирные изделия: Иллюстрированный типологический словарь / авторы-составители: Р.А. Ванюшова, Б.Г. Ванюшов. — Санкт-Петербург: Политехника, 2000. — 239 с.

14. *Vever H.* La bijouterie française au XIXe siècle (1800–1900). 1: Consulat — Empire — Restauration — Louis-Philippe. — Paris: H. Fleury, 1906. — 383 с.